

УДК 902.01

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.2.47.57>

СРАВНЕНИЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ЛОМОВАТОВСКОЙ И НЕВОЛИНСКОЙ КУЛЬТУР: МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2025 г. А.А. Назаров

В статье представлен сравнительный анализ погребального обряда средневекового населения Прикамья: носителей ломоватовской и неволинской культур. Исследовались отдельные компоненты погребального обряда: метрические - длина, ширина, глубина погребений и качественные - форма могильных ям, количество индивидов в погребении, внутримогильные конструкции, надмогильные сооружения и ориентировка костяка. Методом корреляционного анализа Пирсона была установлена связь между различными метрическими компонентами погребального обряда. Анализировались погребальные традиции ближайших территориально и хронологически азелинской и вымской культур, поскольку по материалам их могильников есть представительный массив опубликованных отчетов. Сделан вывод об изменении обрядности ломоватовской и неволинской культур в связи внутренними трансформациями и влиянием носителей территориально близких культурных традиций. Выявлены общие черты – наличие надмогильных сооружений, рам–обкладок и бытования бересты. Сделан вывод о схожем протекании процессов интеграции традиций пришлого в Эпоху великого переселения народов населения в местный обряд и ассимиляции этого населения с изменением погребальной обрядности. Однако неволинская культура демонстрирует большее количество южных традиций в обряде, при этом занимая срединное положение между связью метрических компонентов погребального обряда в ломоватовской и азелинской культурах. Вымская культура не демонстрирует однозначной связи с ломоватовской. Можно предположить восприятие разных традиций носителями этих культур. Возможно, погребальная обрядность ломоватовской культуры была связана с восточными и северными соседями, неволинской – скорее с южными.

Ключевые слова: погребальный обряд; археология; Прикамье; средневековье; ломоватовская культура; неволинская культура; азелинская культура; вымская культура.

COMPARISON OF THE BURIAL RITE OF THE LOMOVATOVO AND NEVOLINO CULTURES: MATERIALS OF PRELIMINARY RESEARCH

A.A. Nazarov

The article presents a comparative analysis of the burial rite of the medieval population of the Kama region: bearers of the Lomovatovo and Nevolino cultures. The individual components of the funeral rite were studied: metric - length, width, depth of burials and qualitative - the shape of grave pits, the number of individuals in the burial, inter-burial structures, tombstone structures and the orientation of the skeleton. The Pearson correlation analysis method was used to establish a link between the various metric components of the burial rite. The burial traditions of the geographically and chronologically closest Azelino and Vym cultures were analyzed, as there is a large number of published reports based on the materials of their burial grounds. It is concluded that the rituals of the Lomovatovo and Nevolino cultures changed due to internal transformations and the influence of bearers of geographically close cultural traditions. Common features have been identified – the presence of tombstone structures, facing frames and usage of birch bark. The conclusion is made about the similar processes of integration of traditions of the newcomer population of the Migration period into the local rite and assimilation of this population with a change of burial rites. However, the Nevolino culture demonstrates a greater number of southern traditions in the rite, while occupying a middle position between the connection of the burial rite metric components in the Lomovatovo and Azelino cultures. The Vym culture does not demonstrate an unambiguous link with Lomovatovo culture. It is possible to assume the perception of different traditions by the bearers of these cultures. Perhaps the burial rites of the Lomovatovo culture were associated with the eastern and northern neighbours, and those of the Nevolino culture - rather with southern ones.

Keywords: burial rite, archaeology, Kama region, Middle Ages, Lomovotovo culture, Nevolino culture, Azelino culture, Vym culture.

Погребальный обряд – это совокупность обрядовых действий, связанных с биологической смертью человека и проходами его в другой мир. Его сложность в изучении объясняется стремлением живых позаботиться об умерших родственниках, но в то же время стремлением обезопасить себя от них. Нарушение канонов погребального обряда в традиционных верованиях связано, как правило, с желанием навредить покойному посмертно. Однако подобные действия также связываются с возвращением умершего в мир живых с целью забрать с собой кого-то из родственников (Дворников, 1997, с. 62–65). Поэтому погребальный обряд отражает культурные особенности населения, так как он достаточно консервативен, и каждый его элемент имеет определенное значение.

В Прикамье с IV по IX вв. одновременно проживали носители двух археологических культур – ломоватовской и неволинской. Рассмотрение общего и особенного в их культуре на примере погребальной обрядности может помочь нам в дальнейшем изучении этого населения и определении связей между собой и соседними культурами.

Ломоватовская культура была распространена в районе верхнего течения р. Камы. Р.Д. Голдина датирует ее V–IX вв. (Голдина, 1985, с. 190). Современные исследователи памятников ломоватовской культуры А.М. Белавин и Н.Б. Крыласова продолжают ее до XI вв. (Белавин, Крыласова, 2016). В исследовании мы придерживаемся современной точки зрения. Носители неволинской культуры обитали с IV по IX вв. в районе р. Сылвы и ее притоков (Голдина, Водолага, 1990, с. 4).

Погребальный обряд харинского этапа ломоватовской культуры и курганных памятников неволинской культуры мы рассматриваем отдельно от остальных периодов этих археологических культур, поскольку они представляют собой большой интерес для изучения как время трансформации традиций и обрядов местного гляденовского населения под влиянием пришлых племён.

Материалы и методы

Для сравнения погребального обряда двух средневековых прикамских археологических

культур были выбраны наиболее удобные для массовой типологизации и систематизации метрические компоненты погребального обряда – длина, ширина и глубина могильной ямы. Эти компоненты были распределены на малые, средние и большие размеры согласно методике В.Ф. Генинга (Генинг, Борзунов, 1975). Но работа с материалами курганных и грунтовых могильников двух археологических культур потребовала выделения дополнительных категорий. Поэтому нами было принято решение внести в базу данных категории очень малых и очень больших погребений.

В программе Microsoft Excel была создана база данных, в которой по могильникам погребения сортировались по метрическим компонентам погребального обряда. Далее, поскольку для анализа были выбраны именно метрические компоненты, связь между ними устанавливалась методом корреляционного анализа Пирсона. При этом неметрические показатели, такие как форма погребения, количество индивидов в погребении, вид внутримогильных конструкций, способ погребения (курганный или грунтовый), ориентировка костяка и сопроводительный инвентарь, в работе также были учтены. Однако стоит отметить, что анализ расположения и состава сопроводительного инвентаря, ориентировки умершего и внутримогильных конструкций был затруднен из-за разрушения большей части могильников распашкой и грабительскими раскопками. Поэтому ориентация покойного и внутримогильные конструкции учитывались нами в тех случаях, если погребение было не разрушено или разрушено не полностью. Погребальный инвентарь привлекался в исследование, когда его наличие свидетельствовало о каких-либо погребальных практиках (традиция оставлять подарочные наборы в погребении, класть на лицо умершим погребальные маски и т. д.).

Количественные методы для изучения археологических культур Предуралья ранее применялись в археологических исследованиях. В.А. Иванов и А.С. Проценко методом статистико-комбинаторного анализа массового археологического материала изучали преобладание погребальной обрядности культур раннего железного века: ананьин-

ской культуры шнуровой керамики, пьяноборской культурной общности, в частности кара-абызской культуры, входящей в нее (Иванов, Проценко, 2017). И.В. Бочаров с помощью статистических методов и метода корреляционного анализа рассматривал грунтовые могильники прикамских средневековых культур – ломоватовской и родановской (Бочаров, 2000, с. 12). Д.В. Шмуратко исследовал сарматский комплекс признаков иерархического кластерного и дискриминантного анализа на материалах ранних неволинских и харинских могильников (Шмуратко, 2012, с. 7). Однако стоит заметить, что комплексного исследования преемственности традиций курганной и грунтовой погребальной обрядности проведено не было. Палеоантропологические исследования свидетельствуют об этнической общности прикамского населения (Брюхова, 2015, с. 22–28.). Поэтому в данной работе хотелось бы предпринять попытку осмысления различных факторов, влиявших на трансформацию погребального обряда этого населения.

Источниками исследования являлись археологические отчеты памятников, как опубликованные и включенные в статьи и монографии авторов раскопок, так и неопубликованные и хранящиеся в архивах археологических экспедиций. В качестве литературы использовались статьи и монографии авторов раскопок, а также авторская интерпретация, содержащаяся в археологических отчетах.

Погребальный обряд харинского этапа ломоватовской культуры был проанализирован на материалах трех самых крупных могильников: Митинского (IV – нач. VI вв.), Пыштайнского II (VII в.) и Бурковского (V–VII вв.).

Погребальный обряд грунтовых могильников ломоватовской культуры изучался по материалам шести памятников: Деменковский (VI–IX вв.), Рождественский (IX–XI вв.), Бояновский (IX–XI вв.) и грунтовые части харинских могильников: Митинского (VII–VIII вв.), Пыштайнского II (VIII–IX в.) и Бурковского (VII–VIII вв.). Также при исследовании погребального обряда позднего этапа ломоватовской культуры использовалась информация с Аверинского II (V–IX вв.), Урынского (VIII–X вв.), Каневского (VIII–IX вв.), Агафоновского (VI–IX вв.), Лаврятско-

го (IX–XII вв.) и Горбунятского (VIII–IX вв.) могильников, которые не вошли в выборку.

Погребальный обряд раннего этапа неволинской культуры анализировался на материалах Бродовского (кон. IV – IX вв.) и курганной части Верх-Саинского могильников (VI в.).

Погребальный обряд позднего этапа неволинской культуры был изучен по материалам Бартымского (2-я пол. VII вв.), Неволинского (VII–IX вв.) и грунтовой части Верх-Саинского могильника (VII–VIII вв.).

Для определения степени внешнего воздействия на погребальный обряд ломоватовского и неволинского населения был привлечен материал могильников азелинской и вымской культур. Это объясняется тем, что по ним опубликованы отчеты раскопок могильников с представительным количеством погребений. Это позволило также изучить связь между метрическими компонентами погребального обряда при помощи метода корреляции Пирсона. Погребальный обряд азелинской культуры был проанализирован на материалах могильников Тюм-Тюм (III–IV вв.), Азелинского (III–V вв.) и Суворовского (III–V вв.). Традиции вымского населения изучались нами по материалам Жигановского (XII–XIV вв.) и Ыджыдьельского могильников (XII–XIV вв.).

Погребальный обряд ломоватовской культуры

Для погребального обряда харинского этапа ломоватовской культуры характерны курганные труположения в многоактных курганах, хотя встречаются и одноактные (Генинг, Голдина, 1973). Погребения представляют собой ямы прямоугольной формы с вертикальными, реже наклонными стенками. На Пыштайском могильнике большинство погребений овальные, одно – серповидной формы. На Митинском могильнике одно захоронение имеет выступ в средней части (Шмуратко, 2020). Длина погребений составляет в основном 2 – 2,5 м, хотя значительна и доля погребений длиной от 1,5 до 2 м и до 1,5 м, шириной до 1 м. На Бурковском могильнике встречены широкие ямы от 1 м до 1,5 м, глубиной в среднем от 0,5 м до 1 м от поверхности. Покойные лежат вытянуто на спине (Шмуратко, Брюхова, 2015).

Внутримогильные конструкции представлены срубам, помостами, гробами и рамами-обкладками. В погребальном обряде всех рассматриваемых могильников использова-

лась береста: в нее оборачивали умерших, использовали в качестве настила для срубов и рам-обкладок на Митинском и Бурковском могильниках либо оборачивали гробовища (Шмуратко, 2016). В подавляющем большинстве погребений захоронен один индивид, но на Бурковском могильнике есть одно парное погребение, а на Митинском – четыре парных и два групповых. Ориентировка погребений различается у разных территориальных групп. Для Гайнинской характерно преобладание погребений, ориентированных на юго-запад, Косинской – на северо-запад, Туйской – на восток (Генинг, Голдина, 1973).

На материалах харинских памятников мы видим довольно сильную положительную корреляцию глубины и ширины могильных ям, слабую положительную корреляцию демонстрируют ширина и глубина погребений. Длина и ширина могил никак не связаны друг с другом.

На могильниках, где есть ранняя – харинская – группа погребений и более поздняя – ломоватовская, на переходе от харинского этапа к агафоновскому меняется ориентировка погребений. На могильнике Пыштайн II юго-западные ориентировки меняются на северо-восточные (Мингалева, 2005, с. 21), на Бурковском – северо-восточные на южные (Генинг, Голдина, 1973), а на Митинском – северо-западные на южные (Шмуратко, 2019).

Для грунтовых могильников ломоватовской культуры также характерно изменение ориентации погребений. Так, на могильнике Агафонов I западная и восточная ориентация, характерная для кон. VI–VII вв., в кон. VII–VIII вв. меняется на северо-западную и северо-восточную.

В погребальном обряде ломоватовской культуры после харинского этапа Р.Д. Голдина выделяет смену курганных захоронений грунтовыми, обряд захоронения – ингумация (Голдина, 1985, с. 26–34). Покойных хоронили в ямах прямоугольной или овальной формы с вертикальными, но иногда наклонными стенками, периодически встречаются подбои с края боковой стенки, где обнаруживаются фрагменты керамики (Шмуратко, 2016, с. 93). Длина большинства погребений колеблется между 1,5 и 2,5 м. Ширина могильных ям до 1 м, захоронения шире 1 м встречаются нечасто. Глубина большей части погребений варьируется от 0,5 до 1 м, но присутствует и

локальная специфика: так, для Деменковского и Митинского могильника характерны неглубокие могильные ямы глубиной до 0,5 м, а для поздней части Пыштайнского, наоборот – больше 1,5 м в глубину.

Размеры погребений зависели от размеров внутримогильной конструкции. Так, в северной части Деменковского могильника захоронения уже и длиннее, чем в южной, что, по-видимому, объясняется изменением размеров гробовищ (Генинг, 1964). Здесь можно предположить изменение размеров тела населения, оставившего этот могильник, поскольку продольные размеры мужских костей варьируют от очень малых до очень больших величин, но из-за небольшой выборки – исследовано всего 7 мужских скелетов – такие выводы могут считаться предварительными (Брюхова, 2015, с. 25).

Надмогильные сооружения не сохранились. Только на Агафоновском и Урынском могильнике фиксируются небольшие ямы, что может свидетельствовать о наличии столбиков над захоронениями. В остальных случаях исследователи предполагают возведение над могилой земляных холмиков, поскольку случаи взаимопроникновения могил встречаются редко. Умершие лежали вытянуто на спине. Внутримогильные конструкции остаются теми же, что и в харинское время, хотя на Каневском могильнике обнаружены погребения на нартах и в лодках, на Деменковском могильнике обнаружено погребение без гробовища (Голдина, 1985, с. 33). Продолжает использоваться береста. Погребения ориентированы относительно реки, однако на ориентировку влияли и природные факторы – например, на Бояновском могильнике вблизи карстового провала погребения отклоняются на северо-восток, обходя его, тогда как подавляющее большинство погребений этого могильника ориентированы на север (Данич, 2016, с. 67).

Большая часть погребений является захоронениями одного индивида, но на грунтовых частях Митинского и Бурковского могильников присутствуют парные захоронения, на Деменковском – парные и групповые, на Бояновском – парные, групповые, вторичные и кенотафы.

На грунтовых могильниках ломоватовской культуры устойчивая положительная корреляция прослеживается между глуби-

ной и длиной погребения. Между шириной и длиной мы видим слабую отрицательную связь, между шириной и глубиной погребений связь отсутствует.

Практически во всех погребениях обнаружена посуда, куда, по-видимому, клалась погребальная пища. Причем в мужских погребениях она располагается в ногах покойного, а в женских и детских – у головы. На Баяновском, Деменковском, Лаврятском и Горбунятском могильниках на лицо погребенным клали серебряные маски. В засыпи практически всех погребений встречаются углистые пятна, что может свидетельствовать об обычае тризны либо различных поминальных практиках. На Деменковском, Аверинском II, Урынском, Баяновском и Агафоновском I могильниках исследователями были обнаружены жертвенные комплексы (ямы с прокалом на дне, с остатками лошадей и крупного рогатого скота в засыпи) (Голдина, 1985, с. 30).

Погребальный обряд неволинской культуры

До VII в. погребальный обряд неволинской культуры был представлен труположениями в многоактных и одноактных курганах (Голдина, Водолаго, 1990, с. 67). Захоронения производились в прямоугольных, иногда в подквадратных ямах с наклонными или отвесными стенками и плоским дном, однако на Бродовском могильнике были обнаружены ямы, имевшие подбой у стенок. Длина ям, как правило, 1–1,5 м. Ширина – до 1,5 м. Глубина большей части погребений от 1 м до 1,5 м от поверхности. В некоторых могилах стенки были обложены крупными камнями. Форма погребения довольно сильно коррелирует с его богатством – погребения простой прямоугольной формы характеризуются бедным вещевым комплексом, а погребения с подбоями – богатым (Голдина, Перевозчикова, Голдина, 2018, с. 88). Покойные лежали в дощатых гробах, рамах-обкладках, их могли оборачивать в шкуру или бересту.

Из компонентов погребального обряда раннего этапа неволинской культуры средняя корреляция прослеживается между длиной и шириной могильной ямы, а сильная положительная связь – между шириной и глубиной погребения. Длина и глубина погребения демонстрируют отсутствие связи.

В погребениях фиксируется обычай оставлять подарочные наборы (берестяные туески

с украшениями), хотя количество их уменьшается к VIII в. Так, на Верх-Саинском могильнике количество погребений с подарочными наборами при переходе к грунтовому способу таких захоронений уменьшилось с 7,5% до 1,6% от общего количества погребений. Также наблюдается обычай размещения поясов вдоль тела покойного (Голдина, Перевозчикова, Голдина, 2018, с. 88).

Ориентировки погребений на могильниках раннего этапа неволинской культуры очень различаются, но присутствует устойчивая ориентация покойных головой на запад и восток. Погребения в основном одиночные, но присутствует достаточное количество парных и групповых захоронений.

В погребальном обряде позднего этапа неволинской культуры единственным способом захоронения являются грунтовые ингумации в прямоугольных ямах с наклонными или отвесными стенками. На Неволинском могильнике зафиксировано одно погребение с подбоем в средней части, аналогичное таким захоронениям на ранних неволинских памятниках. Длина могильных ям колеблется в районе 1,5–2,5 м.

Ширина остается не более 1 м. Глубина ям от 40 см до 1 м. На Бартымском могильнике большая часть погребений имеет глубину до 40 см. Надмогильные сооружения не сохранились, однако, поскольку отсутствуют взаимопроникновения погребений, можно заключить, что когда-то они существовали (Голдина, Водолаго, 1990, с. 66). Внутримогильные конструкции по сравнению с ранним этапом не меняются.

Для грунтовых могильников неволинской культуры характерно разнообразие ориентации погребений. На Горбунятском могильнике покойные лежат головой на север, на Бродовском и Верх-Саинском – на юг, на Бартымском – на восток, а на Неволинском могильнике фиксируется две устойчивые ориентировки погребений – южная и восточная. Примечательно изменение ориентации погребений на некоторых памятниках вместе с переходом к грунтовому способу захоронения. Например, на Бродовском могильнике ориентация с восточной меняется на южную. В большей части погребений похоронен один индивид, парные захоронения встречаются крайне редко. Исключение составляет Бартымский могильник, где было обнаруже-

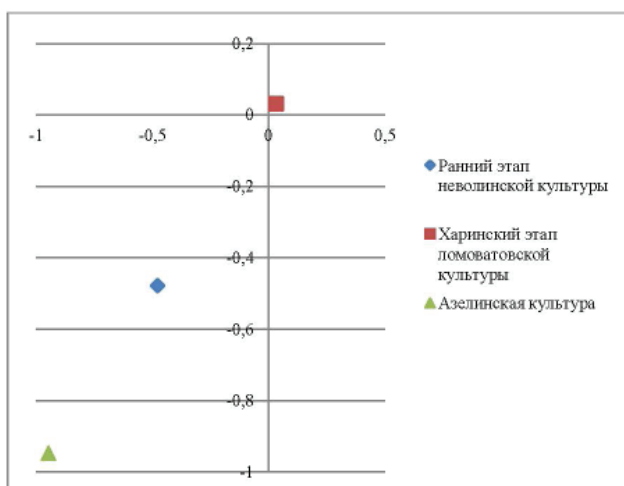

Рис. 1. Корреляция длины и ширины погребений культур эпохи Великого переселения народов.

Fig. 1. Correlation of length and width of burials cultures of the epoch of the Great Migration of peoples.

но пять одиночных, четыре парных и девять групповых захоронений.

На материалах могильников позднего этапа неволинской культуры мы можем говорить о средней отрицательной корреляции длины и ширины могильной ямы. Глубина и ширина демонстрируют слабую положительную связь, а длина и глубина – отсутствие какой-либо связи.

Погребальный обряд азелинской и вымской культур

Носители азелинской культуры проживали в Волго-Вятском междуречье до р. Пижмы на севере и до р. Камы на юге. В.Ф. Генингом определена как культура, относящаяся к III–V вв. (Генинг, 1963, с. 10).

Погребальный обряд, присутствовавший у азелинского населения на протяжении

всего существования культуры, – грунтовые ингумации, погребенные лежат вытянуто на спине. В некоторых погребениях встречаются подарочные наборы. На практически всех могильниках распространены внутримогильные конструкции, однако на могильнике Тюм-Тюм фиксируется лишь дощатый настил внизу могилы и подголовники. Здесь умерших заворачивали в мягкие покровы, предположительно тканевый саван, кожу или бересту. Характерна северная, реже северо-западная ориентация погребений. Можно предположить наличие обряда захоронения покойного параллельно реке (Ошибкина, 2010, с. 39).

На могильниках азелинской культуры параметры могильной ямы коррелируют по-разному. Длина и ширина могильной ямы демонстрируют сильную отрицательную корреляцию. Глубина погребений сильно положительно коррелирует с длиной и устойчиво отрицательно с шириной могильной ямы. Интересно отметить, что погребальный обряд азелинцев имеет больше общих черт с неволинскими, чем с ломоватовскими традициями. Эта особенность выражается в неметрических показателях (наличие подарочных наборов) и в устойчивом положении неволинской культуры между ломоватовской и азелинской по корреляции длины и ширины (рис. 1) и ширины и глубины (рис. 2) могильных ям.

Носители традиций вымской культуры проживали в XI–XIV вв. в районе рр. Выми, Вычегды, Сысолы и Лузи (Савельева, 2010, с. 4). Погребальный обряд – грунтовая ингумация, либо кремация на стороне, либо частичная в могильной яме. Причем форма могильной ямы может быть связана как со способом

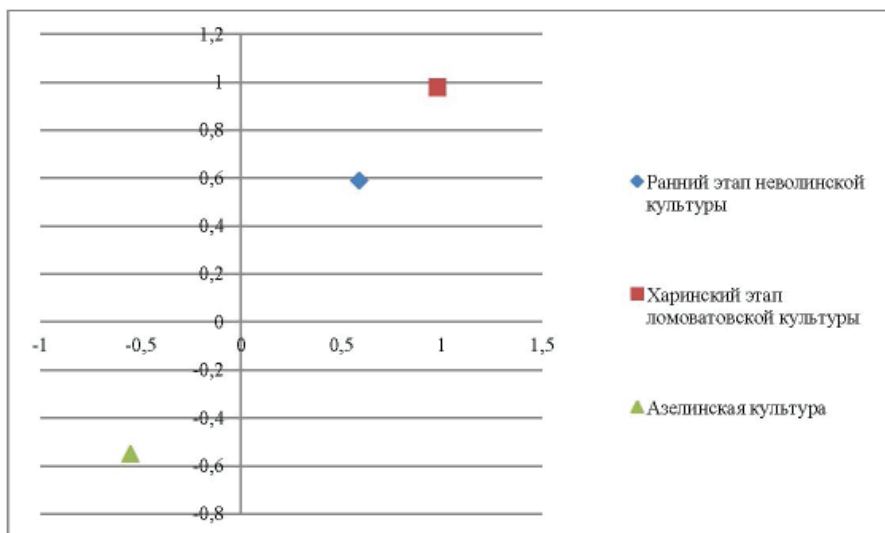

Рис.2 Корреляция ширины и глубины погребений культур эпохи Великого переселения народов.

Fig.2 Correlation of the width and depth of burials of cultures of the epoch of the Great Migration of peoples.

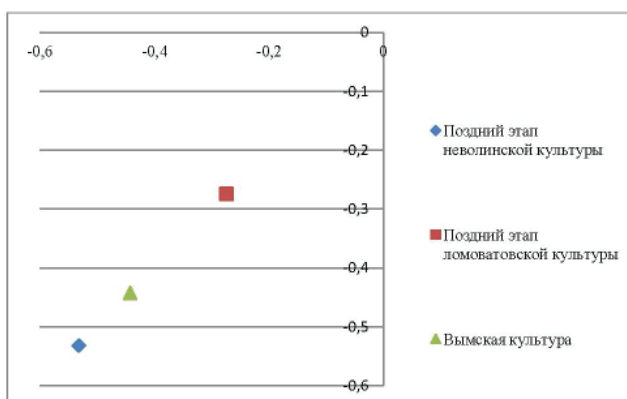

Рис. 3. Корреляция длины и ширины погребения в культурах классического-позднего средневековья.

Fig. 3. Correlation of the length and width of the burial in the cultures of the Classical and late Middle Ages.

погребения, так и быть одинаковой для ингумаций и кремаций. Внутримогильные конструкции представлены срубам с берестяной подстилкой либо берестяными гробовищами. Распространены обряд порчи инвентаря и обычай оставлять внутри могилы или в межмогильном пространстве подарочные наборы. На могильниках вымской культуры прослеживается обряд ориентации погребенных ногами к реке (Савельева, 2011, с. 4–10).

На материалах вымской культуры было принято решение провести корреляцию по одной выборке, включающей и кремации, и ингумации, поскольку способ захоронения не всегда достоверно можно определить. Длина и ширина связаны устойчивой отрицательной корреляцией, как и длина и глубина, что, вероятно, объясняется большим количеством кремаций, включенных в выборку, и экономией трудозатрат при выкапывании длинных, широких и глубоких ям. Ширина и глубина могильных ям связаны тесной положительной корреляцией, что может быть объяснено немалым количеством ингумаций в выборке, которые в целом шире и глубже, чем захоронения, совершенные по обряду трупосожжения. В целом можно сказать, что вымская культура не демонстрирует такой тесной связи с близкой ей территориально ломоватовской культурой, как азелинская с неволинской. Это демонстрируют как количественные показатели (отсутствие четких корреляционных рядов) (рис. 3, 4), так и качественные – кремации и жертвенные комплексы широко распространены в вымской культуре, но мы не видим

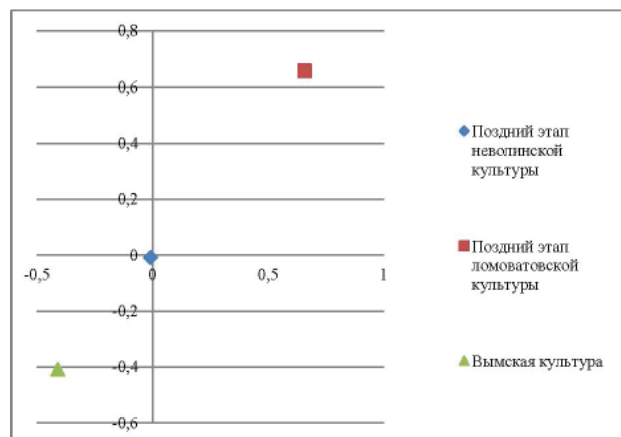

Рис. 4. Корреляция длины и глубины погребения в культурах классического-позднего средневековья.

Fig. 4. Correlation of the length and depth of burial in the cultures of the Classical and Late Middle Ages.

их ни в ломоватовской, ни в родановской культуре, сменившей ломоватовскую.

Заключение

Таким образом, мы можем говорить о погребальной обрядности ломоватовской и неволинской культур как динамической системе, подверженной как внутренним трансформациям, так и влиянию носителей территориально близких культурных традиций. Так, мы видим в этих культурах довольно близкую по времени смену способа захоронения с курганного на грунтовый, связанную с изменением других элементов погребального обряда.

В ломоватовской культуре меняется ориентировка погребенных, появляются специфические внутримогильные конструкции (нарты, лодки), серебряные маски в погребальном инвентаре, что фиксируется в этнографии хантов, манси и селькупов. Вместе с переходом к грунтовому способу погребения длинные могилы становятся глубже, частично длинные могилы тут, как правило, неширокие, хотя коэффициент корреляции между длиной и шириной небольшой. При этом сохраняются захоронения в срубам, хотя их количество и сильно уменьшается.

В неволинской культуре же мы видим уменьшение количества подарочных наборов вместе с переходом к грунтовой традиции. Также меняется ориентировка умерших. Сокращается количество могил с подбоями и каменной обкладкой, при этом растет число гробовищ. Длинные могильные ямы, как правило, неширокие. Глубина и длина

погребений на могильниках никак не связаны. Однако с переходом к грунтовому обряду более чем в два раза ослабевает связь между шириной и глубиной погребений.

Если говорить о внешнем влиянии, то можно предположить проникновение южных традиций в обряд неволинской культуры, что отражается на разных традициях. Вымская культура не демонстрирует однозначного взаимовлияния с ломоватовской. С одной стороны, широко используются срубы как внутримогильные сооружения, но распространены обычаи, которые в Прикамье не встречаются – кремация, порча сопроводительного инвентаря, обряд обезвреживания покойного. С другой стороны, широко распространен обычай оставлять подарочные наборы, сходный с более ранним обычаем населения Сылвенско-Иренского поречья и Нижнего Прикамья.

Генетически ломоватовская и неволинская культура восходят к гляденовской и имеют ряд общих черт (наличие надмогильных сооружений, рам-обкладок и бытования бересты). Вместе с этим мы видим схожее протекание процессов (формирование курганной традиции в эпоху Великого переселения народов) и последующее почти единовременное возвращение к грунтовому обряду и

отход от некоторых привнесенных пришлыми племенами традиций, предположительно связанное с ассимиляцией пришлого населения. Но при этом мы можем предполагать формирование этих культур в разных условиях и восприятие разных традиций. Возможно, погребальная обрядность ломоватовской культуры была в этот период больше связана с восточным угорским миром, при этом нельзя исключать возможность общения с северными соседями – носителями ванвиздинской, а после нее и вымской культур. Неволинская культура же скорее схожа по погребальному обряду с более южными традициями мазунинской (Генинг, 1967), бахмутинской и турбаслинской (Мажитов, 1968. с. 29–84) культур.

В рамках этой проблемы интересен вопрос вымской культуры, в которой сочетаются компоненты погребального обряда ломоватовцев, неволинцев, а также те, которые не находят аналогий ни у тех, ни у других. Поэтому мы считаем необходимым продолжать исследования на эту тему с привлечением материалов с большего количества могильников и детального анализа материальной культуры для установления характера связей между племенами Северного и Среднего Предуралья в эпоху Средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Проблема периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. История. 2016. № 1 (32). С. 28–41.

Бочаров И.В. Средневековый погребальный обряд Верхнего Прикамья как источник реконструкции этнической истории региона: опыт статистического анализа. Автореф. Дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000. 23 с.

Брюхова Н.Г. Исследование конституциональных особенностей средневекового населения Пермского Предуралья (анализ остеометрических показателей) // Палеоантропологические и биоархеологические исследования: традиции и новые методики (VI Алексеевские чтения) / Отв. ред. А.В. Громов, И.Г. Ширококов. СПб.: Лема, 2015. С. 22–28.

Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв.: очерки истории Вятского края в эпоху переселения народов // ВАУ. Вып. 5 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Свердловск; Ижевск, 1963. С. 5–144, 158–160.

Генинг В.Ф. Деменковский могильник – памятник ломоватовской культуры // ВАУ. Вып. 6 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1964. С. 94–162.

Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ. Вып. 7 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Свердловск, 1967. С. 7–84.

Генинг В.Ф. Борзунов В.А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // ВАУ. Вып. 13 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1975. С. 42–72.

Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. Вып. 12 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1973. С. 58–121.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Иркут. ун-т, 1985. 280 с.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Иркут. ун-т, 1990. 176 с.

Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В. Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи / МИКВАЭ. Т. 19. Ижевск: УдмГУ, 2018. 720 с.

Данич А.В. Отчеты о раскопках Бояновского могильника в Добрянском районе Пермского края в 2005 – 2021 годах. Пермь // Архив КАЭЭ ПГГПУ.

Дворников Э.П. Погребальная практика архаических культур: структура, семантика, интерпретация обряда. Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет, 2019. 211 с.

Иванов В.А., Проценко А.С. Погребальный обряд как индикатор генетической преемственности культур эпохи раннего железного века Прикамья и Предуралья // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 117–129.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1968. 161 с.

Мингалиев В.В. Отчет о научно-исследовательской работе археологические раскопки могильника Пыштайн II, в Гайнском районе Коми-Пермяцкого автономного округа в 2005 году. Пермь. 2005. 98 с.

Крыласова Н.Б. Отчеты о раскопках Рождественского (языческого) могильника в Карагайском районе Пермского края в 2008 – 2021 гг. Пермь // Архив КАЭЭ ПГГПУ.

Ошибкина С.В. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм / Материалы охранных исследований. Т. 13. М.: ИА РАН, 2010. 212 с.

Савельева Э.А. Жигановский могильник. Сыктывкар: РАН, УрО, Коми науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории, 2010. 454 с.

Савельева Э.А. Ыджидельский могильник. Сыктывкар: РАН, УрО, Коми науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории, 2014. 119 с.

Шмуратко Д.В. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье в контексте культурно-исторических процессов эпохи Великого переселения народов (статистический анализ погребальных комплексов). Автореф. ... Дисс.. канд. ист наук. Казань, 2012. 33 с.

Шмуратко Д.В. Митинская курганная группа в системе расселения харинских племен: результаты раскопок 2015–2016 гг. // Труды КАЭЭ ПГГПУ. Вып. 11. / Отв. ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГГПУ, 2016. С. 94–116.

Шмуратко, Д.В. Новые исследования Митинского курганного могильника эпохи великого переселения народов на севере Пермского края // // Седьмые Берсовские чтения (Екатеринбург, 2–4 декабря 2014 г.) / Отв. ред. В.Д. Викторова. Екатеринбург: Квадрат, 2016. С. 91–98.

Шмуратко Д.В. Грунтовая часть Митинской курганной группы (результаты раскопок 2016-2019 гг.) // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2019. № 9. С. 94–109.

Шмуратко Д.В. Митинская курганная группа: результаты раскопок 2020 г. // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2020. Вып. 10. С. 63–71.

Шмуратко, Д.В., Брюхова Н.Г. Митинская курганная группа: результаты новых исследований (раскопки 2014 года) // Труды КАЭЭ ПГГПУ. Вып. 10 / Отв. ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГГПУ, 2015. С. 46–63.

Информация об авторе:

Назаров Артём Алексеевич, студент 1 курса магистратуры, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия); nazarovartem454@gmail.com

REFERENCES

Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2016. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)* 32 (1), 28–41 (in Russian).

Bocharov, I. V. 2000. *Srednevekovyy pogrebal'nyy obryad Verkhnego Prikam'ya kak istochnik rekonstruktsii etnicheskoy istorii regiona: opyt statisticheskogo analiza (Medieval burial rites in the Upper Kama basin as a source of reconstruction of the ethnic history of the region: experience of statistical analysis)*. Thesis of the Diss. of Candidate of Historical Sciences. Ufa (in Russian).

Bryukhova, N. G. 2015. In Gromov, A. V., Shirobokov, I. G. (eds.). *Paleoantropologicheskie i bioarkheologicheskie issledovaniya: traditsii i novye metodiki (VI Alekseevskie chteniya) (Paleoanthropological and bioarchaeological research: traditions and new methods (VI Alekseyev's readings))*. Saint Petersburg: "Lema" Publ., 22–28 (in Russian).

Gening, V. F. 1963. In Medvedev A. F. (ed.). *Azelinskaia kul'tura III–V vv. Ocherki istorii Viatskogo kraia v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Azelino Culture of 3rd – 5th Centuries: Essays on History of the Vyatka Area in the Great Migrations)*. Series: Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural) 5. Izhevsk. 5–144, 158–160. (in Russian).

Gening, V. F. 1964. In Gening, V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Urals Archaeology)* 6. Sverdlovsk, 94–162 (in Russian).

Gening, V. F. 1967. In Medvedev A. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 7. Sverdlovsk, 7–84 (in Russian).

Gening, V. F., Borzunov, V. A. 1975. In Gening, V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Urals Archaeology)* 13. Sverdlovsk, 42–72 (in Russian).

Gening, V. F., Goldina, R. D. 1973. In Gening, V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Urals Archaeology)* 12. Sverdlovsk, 58–121 (in Russian).

Goldina, R. D. 1985. *Lomovatovskaia kul'tura v Verkhnem Prikam'e (The Lomovatovo Culture in the Upper Kama Area)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).

Goldina R.D., Vodolago N.V. 1990. *Mogil'niki nevolinskoy kul'tury v Priural'e (Burial Grounds of the Nevolino Culture in the Cis-Urals)*. Irkutsk: Irkutsk University Publ. (in Russian)

Goldina, R. D., Perevozchikova, S. A., Goldina, E. V. 2018. *Mogil'nik VI–IX vv. u d. Verkh-Saya v Kungurskoy lesostepi (Verkh-Saya burial ground of the 6th-9th centuries in Kungur forest-steppe)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 19. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Danich, A. V. 2021. *Otchety o raskopkakh Boyanovskogo mogil'nika v Dobryanskom rayone Permskogo kraia v 2005 – 2021 godakh (Reports on the excavations of the Boyanovo burial ground in 2005-2021)*. Perm Archive of Kama Archaeological and Ethnographical Expedition (in Russian).

Dvornikov, E. P. 2019. *Pogrebal'naya praktika arkhaicheskikh kul'tur: struktura, semantika, interpretatsiya obryada (Burial practice of archaic cultures: structure, semantics, interpretation of the rite)*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University (in Russian).

Ivanov, V. A., Protsenko, A. S. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 117–129 (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1968. *Bakhmutinskaia kul'tura: Etnicheskaya istoriya naseleniia Severnoi Bashkirii serediny I tysiacheletii nashei ery (The Bakhmutino Culture: Ethnic History of the Northern Bashkiria Population in the Middle I Millennium AD)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mingalev, V. V. 2005. *Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote arkheologicheskie raskopki mogil'nika Pyshtayn II, v Gaynskom rayone Komi-Permyatskogo avtonomnogo okruga v 2005 godu (Report on the research work, archaeological excavations of the Pyshtayn II burial ground, in the Gayny district of the Komi-Permyak Autonomous Okrug in 2005)*. Perm (in Russian).

Krylasova, N. B. 2021. *Otchety o raskopkakh Rozhdestvenskogo (yazycheskogo) mogil'nika v Karagayskom rayone Permskogo kraia v 2008 – 2021 gg. (Reports on the excavations of the Rozhdestvensk (pagan) burial ground in the Karagay district of Perm Krai in 2008-2021)*. Perm Archive of Kama Archaeological and Ethnographical Expedition (in Russian).

Oshibkina, S. V. 2010. *Viatskie drevnosti: mogil'nik Tium-Tium (Vyatka River Ancientries: Tyum-Tyum Burial Ground)*. Series: Materialy okhrannykh issledovaniy (Materials of Rescue Studies) 13. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Savelieva, E. A. 2010. *Zhiganovskii mogil'nik (Zhiganovka Burial Ground)*. Syktyvkar: Institute for History, Language, and Literature, Komi Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).

Savelieva, E. A. 2014. *Ydzhyd"el'skiy mogil'nik (Ydydjelsky burial ground)*. Syktyvkar: Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Shmuratko, D. V. 2012. *Kurgannye mogil'niki kharinskogo tipa v Verkhnem Prikam'e v kontekste kul'turno-istoricheskikh protsessov epokhi Velikogo pereseleniia narodov (statisticheskii analiz pogrebal'nykh*

kompleksov) (*Barrow Burial Mounds of the Kharino Type in the Upper Kama Region in the Context of Cultural and Historical Processes of the Great Migration Period (Statistical Analysis of Funerary Complexes)*). Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Shmuratko, D. V. 2016. In Krylasova, N. B. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii* (*Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition*) XI. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 94–116 (in Russian).

Shmuratko, D. V. 2016. In Viktorova, V. D. (ed.). *Sed'mye Bersovskie chteniia* (*Seventh Bers Readings*). Yekaterinburg: "Kvadrat" Publ., 91–98 (in Russian).

Shmuratko, D. V. 2019. In *Vestnik Muzeia arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ya* (*Bulletin of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Perm Pre-Urals*) 9, 94–109 (in Russian).

Shmuratko, D. V. 2020. In *Vestnik Muzeia arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ya* (*Bulletin of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Perm Pre-Urals*) 10, 63–71 (in Russian).

Shmuratko, D. V., Bryukhova, N. G. 2015. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta* (*Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Humanitarian Pedagogical University*) 10. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 46–63 (in Russian).

About the Author:

Nazarov Artem Al. 1st year undergraduate student, National Research University "Higher School of Economics". 16 Soyuz Pechatnikov Street, Saint Petersburg, 190121, Russian Federation; nazarovartem454@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.02.2025 г.
Статья принята к публикации 01.04.2025 г.